
Л. А. ДМИТРИЕВ

Жанр севернорусских житий

Признаки житийного жанра обуславливались несколькими характерными чертами этого рода древнерусской литературы: его церковно-служебным назначением, традиционностью, уходящей своими корнями в глубокую древность, и тем, что это был рассказ о жизненном пути человека.

Необходимость рассказать о всей жизни героя, с рождения до смерти, определяла сходное в разных житиях развитие сюжетной линии повествования: сначала освещалось детство человека, затем следовал рассказ о его зрелых годах и деяниях, завершалось же все торжественным описанием смерти. Но в житии речь шла не о простом смертном, а о человеке, признанном святым, что накладывало специфический отпечаток на рассказ об этом герое. Вся его жизнь — это подвиг во славу христианства, поэтому уже в детстве будущий святой отличается от остальных детей высокой нравственностью и аскетизмом: он кроток, скромн, устраняется от всех благ и соблазнов мирской жизни (избегает игр и развлечений, постится), с самого раннего детства он стремится посвятить себя служению богу. Преодолевая препятствия и сопротивление родителей, будущий подвижник в конце концов порывает с миром. Он проходит искус монашества, переносит физические страдания во славу веры и т. п. Рассказ о смерти святого — это тоже всегда очень важный и существенный элемент жития: либо это торжественно-величавый уход из жизни временной, земной в «жизнь вечную» — к богу, либо страдальческая смерть подвижника за веру. Вот как, например, определяется программа произведения в одном из житий: «Приимите многоспасеннаго жития и послушайте сего преподобнаго отца Пахомия святыя его подвиги, и труды, и любовь, яже к богу, яже впредь поидуше скажем: како ся роди, и в котором граде, или от кних родителей, или како воспитан, или како и коиими леты во образ иноческаго жития вниде и священства сан восприя, и в пустыню отхождение, и во обитель благостройное премудрое по бозе настоятельство, и ко господу отшествие».¹ Это, по существу, программа каждого жития. И этот принцип сюжетного построения жития, к строгому соблюдению которого в силу церковно-служебного назначения этого рода литературы должен был стремиться каждый агиограф, определял одну из характерных черт житийного жанра — сходность сюжетной схемы в разных житиях, созданных в разное время.

Как отмечает Е. Голубинский, «основанием для причисления усопших подвижников благочестия к лику святых служило прославление подвиж-

¹ Из Жития Пахомия Нерехтского. Текст цитируется по списку: ГИМ, собр. Синодальное, № VI (1200), лл. 135 об.—136.